

Мо Шаотянь был гораздо тяжелее Бай Цзяня, и Ли Янь пришлось несколько раз передохнуть, прежде чем он дотащил его до первого этажа.

Знакомый «Брабус» безмолвно замер у обочины, внутри — ни души. Ли Янь пошарил по карманам Мо Шаотяня и быстро нашел ключи. Открыв дверь, он с трудом запихнул мужчину на водительское сиденье.

Столь бурные перемещения не разбудили Мо Шаотяня, и Ли Янь понял, что алкоголь сделал свое дело. Эта мысль мгновенно прояснила его сбивчивые, полные страха мысли. Раз Мо Шаотянь пьян, почему бы не выставить все произошедшее его собственными фантазиями?

Ли Янь не сдержал тихой усмешки, обдумывая, как сфабриковать улики. Когда Мо Шаотянь только приехал, он был не настолько пьян, чтобы полностью потерять связь с реальностью, так что подвох должен быть искусным. Вспомнив, как тот набросился на него, едва переступив порог, Ли Янь понял, что похоть затмила ему разум. В голове блеснула идея — он внезапно придумал, как проучить этого зверя.

При тусклом свете уличного фонаря он посмотрел на спокойное лицо спящего. Во сне выражение лица Мо Шаотяня было мягким, без той привычной резкости и злой ауры — он был даже красив. Ли Янь огляделся, убедившись, что вокруг никого нет, и осторожно потянулся к ширинке брюк Мо Шаотяня. Раздался тихий звук «ссс», молния подалась, обнажая темное белье.

В этот момент Мо Шаотянь, видимо, почувствовав прохладу, недовольно заворочался, нахмурился и издал из горла едва слышный стон. Ли Янь почувствовал, как кровь прилила к лицу, а сердце забилося в бешеном ритме. С его гейской эстетикой, этот вид казался ему невероятно сексуальным.

Ли Янь решил сменить план.

После того как все закончилось...

Тело Сюй Муфаня отреагировало на происходящее с такой силой, что даже сам Ли Янь был поражен и обрадован. Около двух лет назад он перенес тяжелую болезнь, которая подорвала его здоровье, сделав практически неспособным к близости. Каждый раз, когда дело доходило до объятий, разочарованный взгляд Чи Яня ранил его в самое сердце. Что бы он ни делал, сколько бы врачей ни обошел и сколько бы отваров ни выпил, его тело оставалось безучастным. Со временем Чи Янь перестал показывать свое разочарование и больше не настаивал на близости. Тогда Ли Янь по наивности решил, что Чи Янь просто понимающий и верный человек, и стал доверять ему еще больше, даже доверил управление финансовыми делами компании.

Если бы Чи Янь предал его только из-за его неспособности, Ли Янь, возможно, смог бы отпустить его с легким сердцем. Но если его смерть была спланирована этим человеком, то прощения ему не будет!

Ненависть выплеснулась наружу, и Ли Янь на какое-то время потерял связь с реальностью.

Тяжело дыша, он посмотрел вниз. На дорогих брюках и темном белье Мо Шаотяня остались следы, а тот продолжал крепко спать, не подозревая о произошедшем.

Ли Янь скривил губы, собрал немного жидкости и намеренно размазал ее по одежде Мо Шаотяня, после чего тщательно осмотрел салон, чтобы стереть все лишние следы.

Закончив, он на цыпочках прокрался домой.

Бай Цзянь спал крепким сном. Боясь разбудить его, Ли Янь устроился на диване. За свою жизнь он совершил не так уж много плохих поступков, и даже сейчас, понимая, что объектом стал Мо Шаотянь, он чувствовал уколы совести. Сон был беспокойным: его терзали не только угрызения совести, но и страх, что этот трюк не обманет Мо Шаотяня.

В шестом часу утра он проснулся. Подойдя к окну, он увидел, что «Брабус» все еще стоит на месте — видимо, Мо Шаотянь не просыпался.

Ли Янь коснулся своей шеи, где отчетливо виднелся глубокий след от зубов, оставленный Мо Шаотянем. Надавив на него, он поморщился, надел одежду с высоким воротом, чтобы скрыть отметину, и пошел в спальню будить Бай Цзяня.

— Брат Муфань... так рано? — пробормотал Бай Цзянь, протирая глаза.

— Вставай. Тебе нужно вернуться в общежитие, переодеться и идти на занятия, иначе преподаватели снова будут ворчать, что мы не следим за своим видом, — буркнул Ли Янь.

Бай Цзянь согласился с его доводами и, быстро одевшись, спустился вниз.

Ли Янь вышел следом. Проходя мимо «Брабуса», он почувствовал прилив тревоги и, ускорив шаг, обошел машину стороной.

Поймать такси в шесть утра было непросто, но автобусы уже начали ходить. Бай Цзянь уехал в университет, а Ли Янь отправился в офис.

Мо Шаотянь очнулся в душном салоне машины. Утреннее солнце, пробивающееся сквозь стекло, ослепило его. Похмелье и какая-то непонятная тяжесть в теле вызывали сильную головную боль.

В памяти всплыли отрывочные воспоминания о вчерашнем вечере в доме Сюй Муфани. Мо Шаотянь нахмурился: что он делает в машине? Разве он не должен быть у Сюй Муфани? Он смутно помнил, как целовал того парня, собираясь проучить этого самодовольного

смазливчика...

Мо Шаотянь уже хотел выругаться, как вдруг его взгляд упал на собственные брюки.

Ширинка была расстегнута, а на ткани виднелись засохшие следы. Как мужчина, он прекрасно знал, что это такое. Застыв, Мо Шаотянь с недоверием сунул руку внутрь — липкая влага стала неопровержимым доказательством того, что он уже успел разрядиться.

В голове словно прогремел взрыв. Он, Мо Шаотянь, на самом деле... кончил во сне, и объектом был Сюй Муфань?

Спешно вытирая следы, Мо Шаотянь впервые в жизни почувствовал себя настолько униженным.

Тряхнув гудящей от боли головой, он с яростью вдавил педаль газа и рванул с места. Ну ничего, Сюй Муфань, этот маленький демон еще получит свое. Сейчас он переоденется и вернется, чтобы закончить то, что было начато в «сне».

Тем временем Ли Янь прибыл в офис после семи утра. До начала рабочего дня было еще далеко, и он присел у входа, чтобы подремать. Утреннее солнце приятно грело, и Ли Янь незаметно для себя задремал, пока его не разбудила пришедшая пораньше сестра Жун.

— Муфань? Где ты пропадал всю ночь? Почему такой сонный?

Ли Янь кашлянул:

— Сестра Жун, вы пришли так рано.

— Вчерашний скандал почти улажен, но осталось еще немного работы. А ты?

— Э-э... я хотел пораньше прийти, чтобы встретиться с новым преподавателем.

Оправдание было так себе, но сестра Жун улыбнулась:

— Мой Муфань снова полон решимости. После потери памяти ты долго был в депрессии, хорошо, что ты снова взялся за ум. Ты что-то вспомнил?

— Э-э... наверное, немного... — пробормотал Ли Янь.

Сестра Жун была занята, поэтому, забрав документы из офиса, она проводила его в класс для актерского мастерства.

Ли Янь ждал, и в девять часов наконец появился его главный наставник. Это был профессор Чжан Мянъжэнь, легендарная личность в компании Дусю, человек пятидесяти с лишним лет.

От него исходило то спокойствие, которое присуще истинным мастерам искусства. В прошлой жизни Ли Янь любил общаться с такими людьми — они напоминали ему покойного отца. Хотя отец Ли Яня был нуворишем, он любил книги и был образованным человеком. Под его влиянием Ли Янь рос мягким и спокойным, пока не встретил Чи Яня, который нарушил его душевный покой.

Чжан Мянъжэнь немного поговорил с ним о пустяках, прежде чем перейти к уроку.

— Самый важный навык актера — это концентрация внимания, — сказал он ровным голосом. — Давайте сделаем упражнение: посмотрите на мое лицо и удерживайте взгляд в течение минуты.

Ли Янь уставился на него покрасневшими от недосыпа глазами.

В классе стояла такая тишина, что он отчетливо слышал размеренное дыхание учителя. Это пространство начинало давить на него.

Спустя некоторое время Чжан Мянъжэнь отвел взгляд и произнес:

— А теперь оглядитесь по сторонам. Вчера я спрятал в классе красный ключ. Попробуйте его найти.

Ли Янь, не понимая цели, начал добросовестно осматривать комнату. Он обшарил глазами каждый уголок, но ключа не было. На лице Ли Яня отразилось недоумение.

— Не ищите, это был тест, — сказал Чжан Мянъжэнь. — Сравните свои ощущения. Когда вы смотрели на меня, вы нервничали, были скованны и неловки. Но когда искали ключ, вы стали естественны, движения стали свободными. Это потому, что вы были сосредоточены на задаче. Это и есть концентрация внимания. Без нее вы не сможете войти в состояние творчества.

Ли Янь просиял, поняв суть.

— После концентрации следует воображение, — продолжал Чжан Мянъжэнь. — В театре все вымышлено: время, место, люди, отношения. Актер должен верить, что все это реально. Это называется верой в предлагаемые обстоятельства.

Его голос звучал неторопливо, согревая сердце Ли Яня, словно наставления отца в детстве.

— А теперь закройте глаза. Представьте типичную сцену, например, больничную палату.

Вспомните, как она выглядит.

Ли Янь послушно закрыл глаза, но тут же открыл их.

— Это сложно.

Чжан Мяньжэнь улыбнулся:

— Закройте глаза и слушайте меня. Сколько кроватей в палате?

Ли Янь зажмурился. В его воображении возникла реанимационная палата, где он лежал перед смертью. Кровать была всего одна.

— Стены белые или голубоватые?

— Голубоватые.

— А потолок?

— Мертвенно-бледный.

— Занавески?

— Окон нет.

— Тумбочка?

— Нет, только монитор, который издавал писк.

И только... стоны Чи Яня, полные сладострастия, который в это время занимался любовью с другим мужчиной прямо над ним.

Чжан Мяньжэнь перестал давать инструкции, понимая, что Сюй Муфань полностью погрузился в свои мысли. Однако выражение его лица менялось: от расслабленности к напряжению, брови нахмурились, лицо побледнело, а руки непроизвольно сжались в кулаки. Что же он увидел?

В конце концов Сюй Муфань даже заскрежетал зубами. Чжан Мяньжэнь почувствовал неладное и прервал его:

— Стоп! Студент Сюй!

Ли Янь резко открыл глаза, гнев еще не успел сойти с его лица.

— Что случилось? Никто из моих учеников не реагировал так остро. Обычно все вспоминают что-то грустное или спокойное. Что ты увидел? — с любопытством спросил Чжан Мянжэнь.

Ли Янь помрачнел:

— Ничего. Просто вспомнил кое-что плохое.

Увидев, что он не хочет отвечать, учитель не стал настаивать.

— Хорошо, попробуем еще раз. Представьте, что этот класс — кабинет. Постарайтесь представить обстановку: книжный шкаф, письменный стол, стул... вплоть до текстуры дерева и мелочей на столе.

Ли Янь снова закрыл глаза, следуя за словами учителя. И вдруг, к его ужасу, возникла картина месячной давности, когда он с обреченным видом вошел в кабинет Мо Шаотяня. Тогда он был слишком напуган, чтобы замечать детали, но сейчас, под руководством учителя, он начал вспоминать все до мелочей.

Огромный книжный шкаф, темно-коричневый стол с гладкой лакированной поверхностью, документы, перьевые ручки... Мо Шаотянь, лениво откинувшись на спинку кресла, приказывает ему обслуживать его...

Ли Янь был настолько поглощен воспоминаниями, что страх того момента просочился в реальность. Он начал дрожать и непроизвольно прошептал:

— ...Не надо...

— Что не надо?

Раздался голос дьявола, настолько отчетливый, что Ли Янь вздрогнул и с криком открыл глаза.

<http://bllate.org/book/19571/1919323>